

**ИСТОРИЯ
КИЕВСКОГО ВЫСШЕГО
ОБЩЕВОЙСКОВОГО
КОМАНДНОГО
ДВАЖДЫ
КРАСНОЗНАМЁННОГО
УЧИЛИЩА
ИМЕНИ
М.В. ФРУНЗЕ**

1918–1992

Том 7

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ УЧИЛИЩА.

**«От героев былых времён
Не осталось порой имён».**

Мне захотелось, чтобы имена остались - в памяти, в истории, ведь историю делают люди. Из их прожитых жизней, их подвигов и поступков соткан, по сути, алый стяг Боевого Знамени училища.

Эта книга — память о тысячах офицеров и генералов, посвятивших себя служению Отчизне. Эта книга о легендарном военном училище Советского Союза – Киевском высшем общевойсковом командном дважды Краснознамённом училище имени Михаила Васильевича Фрунзе, созданном в 1918 году и расформированном в 1992 году. Эта книга посвящена 100-летию юбилею его создания.

В книге собрана и систематизирована многочисленная информация из государственных и личных архивов. Это, конечно, не всё, далеко не всё, что удалось мне собрать за десять лет работы над сайтом училища. Наиболее полно и разнообразно история училища представлена после 1965 года.

Хочу выразить огромную благодарность всем, кто принимал участие в формировании этой книги на разных этапах.

Надеюсь, что эта книга будет интересна выпускникам, командирам, преподавателям и служащим прославленного училища, а через много лет историкам, детям, внукам, правнукам и родственникам тех, кто работал и учился в Киевском ВОКУ.

Юрий Селютин, выпускник 1983 года.

Очень жаль, что подобная работа по сбору воспоминаний выпускников и командиров не велась в училище, поэтому история нам оставила незначительные сведения. Здесь собраны практически все письменные воспоминания об училище на момент публикации данного многотомника. Написаны они авторами в разные годы и в основном по прошествии многих лет после выпуска.

Я присутствовал на многих встречах выпускников, которые проходили спустя многие годы после окончания ими училища. Все эти встречи насыщены разными воспоминаниями о курсантских годах, в основном весёлыми, курьёзными. Даже тяжёлые испытания, которые мы преодолевали каждый в своё время обучения, вспоминаются всегда с налётом искренней романтики юных лет, настоящей мужской дружбы, юмором и иронией. К сожалению, все услышанные мной рассказы невозможно было запомнить и записать на месте. Мои же просьбы к авторам о написании этих зарисовок остались без воплощения. Но, тем не менее, эти байки о наших курсантских деяниях передаются детям и внукам, и, значит, переживут нас непременно.

* * *

Уважаемые дамы и господа, прежде чем вы начнёте увлекательное чтение, хочу сказать, что во всех воспоминаниях наших выпускников сохранена оригинальная лексика и стиль повествования. Достоверность фактов, изложенных в текстах, не проверялась.

Жолдас Душамбаев,
выпускник 1942 года.

Затем меня направили на краткосрочные курсы офицеров в город Саратов, в эвакуированное 2-е Киевское артиллерийское училище. Курсантам преподавали лучшие офицеры, стремящиеся быстрее подготовить себе смену, а самим попасть на фронт.

Как во всей стране, в училище было голодно. Самым удачным был наряд пилить и колоть дрова для кухни. Сердобольный пожилой повар наливал кружку кипятка и отрезал кусок чёрного хлеба помощникам, а старик истопник угощал иногда куском вяленой волжской рыбёшки. Я экономил мыло и выдаваемый на месяц кусок менял в соседнем казахском ауле на кусок вяленого верблюжьего горба. Потом на передовой период курсантской жизни покажется раем. А пока в стенах училища постигались премудрости военной науки. Хорошие успехи у меня были по математике, физике и связанным с ними артиллерийским вычислениям, труднее было с русским языком. Но желание поскорее овладеть военной специальностью и помощь однокурсников позволили преодолеть и эту трудность. Однако, на лыжах ходить так и не научился.

Страницка из записной книжки Жолдаса Душамбаева курсантских времён, где велись записи по артиллерии, а также вписаны адреса родственников однокурсников, кому можно было сообщить на случай их гибели.

5 июля 1942 года. Наступил торжественный и тревожный день вручения офицерских «кубарей». С одной стороны испытывали радость, связанную с окончанием учёбы, с другой же стороны шёл 1942 год – один из самых тяжёлых периодов оборонительных сражений: только отогнали фашистов из-под Москвы, Ленинград полностью блокирован, враг ещё силен и готовит наступление на южном направлении, прорываясь к бакинской нефти. Каждый из вчерашних курсантов знал трагическую статистику – молодой офицер на передовой остаётся в живых от силы неделю. И каждый надеялся выжить. Жил мыслями: пусть ранение, даже если лишиться ног, пусть руки останутся целы, тогда можно продолжить учиться сапожному мастерству и можно прокормить семью.

Николай Иванович Ежов,
выпускник 1942 года.

В ноябре 1941 года меня направили на учёбу во 2-е Киевское артиллерийское училище, которое с началом войны приняло бой в Киеве с немцами, а после сдачи Киева перебазировалось в Приволжский военный округ.

Училище было расположено рядом с полевым аэродромом, недалеко от тыловой полосы Сталинградского фронта. В то время у немцев было превосходство, и они часто бомбили аэродром. Иногда бомбы случайно или специально падали на территорию училища. За время учёбы – ежедневно девять часов занятий и три часа самоподготовки – мы очень много времени уделяли оборудованию запасных огневых позиций, вырыли глубокий противотанковый ров на случай прорыва немцев. Ведь фронт был недалеко.

В апреле 1942 года я окончил ускоренный курс училища с отличием и получил звание лейтенанта. Несмотря на то, что я просил выпускную комиссию и лично её председателя Устиновича, чтобы меня отправили на фронт, приказом начальника училища генерала Гундорина был назначен на должность командира курсантского взвода училища. Через короткое время командование училища дало взводу хорошую оценку по дисциплине, учёбе и по строевой подготовке. На одном из строевых смотров взвод был удостоен первого места. В то время все курсанты носили ботинки с обмотками, а моему взводу в качестве награды за строевую выучку всем выдали сапоги.

Осенью 1943 года меня перевели на должность преподавателя огневой подготовки.

Андрей Борисович Шидловский,
выпускник 1944 года.

Я получил назначение на учёбу во 2-е Киевское училище самоходной артиллерии, которое эвакуировалось из Киева в Разбойщину, в пятнадцати километрах от Саратова. Занимались много. За шесть месяцев прошли курс училища военного времени.

По окончании училища меня вызвали к начальству. Сообщили, что меня оставляют в училище командиром учебного взвода. Я стал отказываться. Но мне ответили, что это приказ.

Осенью 1943 года освободили Киев. Было решено весной возвратиться училище в Киев, в

его старое расположение. Мы погрузились в эшелоны.

Училище располагалось в хороших зданиях на окраине города, на Печерске. Мы вчетвером с коллегами поселились на частной квартире. Хозяйка, тётя Киля, нам готовила питание из наших продуктовых пайков. Жили дружно. Много работали. Иногда ездили в город. По вечерам ходили в клуб училища смотреть кинокартины и на танцы. Летом ходили купаться на Днепр. В июле 1944 года меня приняли из кандидатов в члены партии.

В 1945 году стало чувствоваться приближение конца войны. Настроение у всех улучшалось. А с первых дней мая каждый день ждали вестей о капитуляции немецких войск.

Восьмого мая, с вечера, я был дежурным по училищу. Генерала-начальника в училище в этот день не было. Он ждал радостного сообщения, но, всё же, поехал домой, приказав мне следить за радиосообщениями. А в случае новостей сразу же звонить ему.

Ночью объявили о подписании акта о капитуляции. Я немедленно позвонил генералу. Он приказал поднять всё училище, подготовить пару пушек для холостой стрельбы и много ракетниц.

Я побежал по казармам. Поднимал курсантов и поздравлял их с победой. Меня они качали. Приехал генерал. Всех выстроили, поздравили и провели небольшой салют.

В Киеве вечером состоялся большой салют. Мы приняли в нём участие – стояли с пушками и ракетницами в парке над Днепром.

Вадим Зиновьевич Огородников, выпускник 1955 года.

Учёба, преподаватели.

Не вспомнить о своих преподавателях, которые в тебя вложили свои знания, передали свой опыт, учили жизни и простейшим приёмам, которые тебе ранее не были ведомы, было бы несправедливым.

Основными предметами были, конечно, марксизм-ленинизм, диалектический и исторический материализм, история ВКП(б), а потом уж специальные, которые определяли нас, как специалистов бронетанковых войск.

Курсанты больше всего любили и обращали внимание на специальные предметы, такие, как устройство танка и самоходной установки, материальная часть вооружения, многим нравились занятия по тактической подготовке. Но взвод, в котором мне пришлось учиться, почти весь уделял особое внимание общеобразовательным предметам, иностранному языку, с удовольствием изучали противохимическую дисциплину и с большим удовольствием осваивали азы практического обслуживания боевых машин. Как после их вождения, так и после стрельб. Для обывателя удовольствие сомнительное, но для будущих специалистов важное и определяющее, хотя и среди нас были скептики.

Командир нашего курсантского взвода, старший лейтенант Щупушкин Николай Александрович, прилагал все силы к тому, чтобы у нас были лучшие преподаватели, хотя самому ему, кроме внутренних вопросов порядка и распорядка решать было нечего. К воинскому порядку и дисциплине наш взвод, почти сто процентов, относился сознательно, и достаточно было командиров отделений и помощника командира взвода, назначаемых из нашей среды. В конце

первого года нашего обучения Николай Александрович поступил в бронетанковую академию, мы слышали, что после академии его направили служить в одну из Примосковских дивизий, вроде в Таманскую, дальнейшие следы этого уважаемого человека для нас потерялись. Жаль, но жизнь устроена так, что мы начинаем вспоминать и интересоваться другими членами общества, уже по прошествии значительного времени. И кто больше повлиял на твоё будущее, подчас уже и не определишь.

Историю партии преподавал старый, убеждённый коммунист, полковник Иванов, которому от роду было более шестидесяти лет, небольшого роста, лысый, всеми силами старался соблюсти строевую выправку, требований к нам по форме обращения и внешнему виду не предьявлял, но очень любил пространные выступления обучаемых, на которые наш взвод был горазд.

Мы диву давались, слушая его лекции. Он выходил на середину аудитории, становился в проходе между столами, поднимал голову, закрывал глаза, и декламировал давно заученную им тему, и шагал, и далее читал, шагая между столами вперёд-назад. Ни разу за годы своего нам преподавания не споткнулся ни в шагах, ни в мыслях. За ним еле успевали записывать, лекции были содержательные, изобиловали цитированием классиков марксизма, он прекрасно знал и толковал труды Маркса, Энгельса, Ленина, по его лекциям хорошо было готовиться к зачётам и экзаменам. Но с таким упоением он рассказывал содержание истории партии, так был влюблён в каждого революционера и соратника Сталина, что многие из нас прониклись этой любовью, и когда Сталин умер, то некоторые не могли сдержать слёз. И лишь немногие, прошедшие горнило оккупации и следующие за ней преследования, восприняли эту смерть, как нечто закономерное. Ведь даже по теории марксизма всё старое отмирает, чтобы уступить своё место новому, с более прогрессивными и положительными качествами. Имею, и имел подозрение, что наш славный преподаватель, обладая жизненной мудростью, отнёсся к этому событию с должным спокойствием. Во всяком случае, он на следующей лекции по своему предмету словом о событиях, вызванных смертью вождя и его похоронами, не обмолвился. Теорию предмета преподавал с прежней чёткостью. Вскоре мы с полковником Ивановым распростились, он ушёл на заслуженный, давно заслуженный отдых. Его так долго держали на службе за заслуги в Великой отечественной войне и личное желание продолжать преподавательскую работу. Самому Петрову Ивану Ивановичу, начальнику училища было тогда шестьдесят четыре года, и, очевидно, ему было удобней и уютней опираться на старые кадры, прошедшие революцию и великую отечественную войну. Ныне генерал-лейтенант, он в гражданскую войну командовал у Щорса полком, Богунским, кажется, а может и Таращанским. Давно это было, а в исторических справках прописано – командир полка.

Общеобразовательный цикл (кафедру) возглавлял ещё более старый, чем генерал Петров, военный служащий – полковник Кривоносов, из потомственных дворян, перешедших на сторону революции и сумевший избежать гонений и репрессий, прошедший войну в должности руководителя бюро военных переводчиков. Он был одним из участников Нюрнбергского процесса, знал, вернее, владел, почти всеми европейскими языками, прекрасно разбирался в искусстве, мог часами рассказывать о биографии и концертах Шаляпина, которого слушал и до революции и после, вплоть до эмиграции, был в курсе всех спектаклей киевских театров, явился инициатором нашего посещения оперы на абонементной основе, и мы ходили с удовольствием, часто с ним встречались. Холостяк. Всегда был холостяком. И неоднократно, напутствуя нас на служебную карьеру и дальнейшую службу, на первое место ставил нашу женитьбу, создание семьи, наличие детей. Он говорил, что только семейный человек в армии мирного времени будет успешным и не будет у него препятствий к карьерному росту. И когда мы задавали себе вопрос, почему он никогда не женился, он, предвидя этот вопрос, и, учитывая нашу деликатность, отвечал сам. Его объяснения звучали убедительно. Пока был молодым и красивым, всегда считал, что «На мой век женщин хватит», и эта мысль им владела

до пятидесятилетнего возраста. А в пятидесятилетнем возрасте, вкусы к молодым женщинам остались, но его уже воспринимали, как старого и неперспективного для семейной жизни. Красоту во всех её проявлениях, он любил и с каждым годом всё с большим вкусом к ней. Так он и остался членом семьи своей сестры. Но мы его любили. Очень жаль, что его лекций и выступлений было очень мало. В его распоряжении были преподаватели математики, иностранных языков, военной администрации, секретного и несекретного делопроизводства, и другие, не имеющие широкого военного применения.

Преподавательница немецкого языка Белецкая Александра Семёновна, пользовалась симпатией всех курсантов, с которыми приходилось ей работать, но отдельные донжуаны переходили все границы дозволенного, даже, невзирая на двойки по языку они упорно пытались поразить её женское воображение своей мужественностью и нескончаемыми комплиментами. Однажды, один из наиболее настойчивых кавалеров пригласил её в оперный театр, его неопытность допустила это приглашение в присутствии всей обучаемой группы, намечался культпоход, и она дала согласие, с тем, только, что ей будет предоставлено два билета, а встретятся они в театре. И в фойе театра... она подходит к группе курсантов, с молодым человеком, красавцем под два метра ростом, чёрные усики, и представляет, как своего сына, а сыну: «Это моя любимая группа курсантов, все за мной ухаживают. Ты доволен внешним видом своей сорокаторёхлетней мамы?». И элегантный поступок преподавателя снял всякое напряжение и вызвал массу последующих шуток. И вечное уважение. Эта история стала достоянием многих, передавалась из уст в уста, но была, в основном, правдивой и поучительной.

Тактику вели несколько преподавателей. Во главе тактического цикла стоял молодой, тридцатитрёхлетний полковник Баролин. Занятий не проводил, нам было неизвестно его предназначение, пристрастия и занятия. На службу приходил чуть ли не в середине дня. Имел собственный автомобиль «Победа», и это, пожалуй, единственное отличие от других, не загруженных по работе офицеров. Очевидно, он в период войны наслужился и погеройствовал вволю. В таком молодом возрасте звание «полковник» в пятидесятые годы уже становилось редкостью.

Его подчинённые преподаватели, наоборот, были значительно загружены.

Тактику преподавали интересные, порой замечательные люди. Во-первых, старейшина тактического цикла, полковник Дьяков. Человек в зрелом сорока пяти, может немного старше, возрасте, старше других преподавателей на цикле, вёл тактику современного боя, участвовал во всех наших малых и больших учения, не ведя никаких записей делал разбор занятий с точным определением поведения и действий каждого. Будь то занятия «пеший по танковому» или на боевой технике. И все знали требовательность и справедливость этого небольшого усатого дядьки. Он нас учил выживать в условиях, близких к боевым. Это на этапе первого курса. В те поры с ним случилась большая беда. После учений он явился домой, приведя себя в порядок, лёг отдыхать, а в это время его сыновья, которым не было ещё и десяти лет, близнецы, решили полюбопытствовать его оружием, вытащили пистолет, и брат застрелил, по неосторожности, брата. Это была травма, не совместимая с понятиями диктованными уставами, наставлениями, здравым рассудком. Для Дьякова это была ещё и психическая травма, от которой он не оправился до конца своей жизни. всё училище об этой трагедии знало, мы старались не расстраивать преподавателя по пустякам, а помочь ему в случившемся не могли. Ребёнка похоронили, уголовное дело прекращено за неимением состава преступления. Оружие через небольшое время директивой Министра обороны во внеслужебное время офицеры должны были сдавать на хранение в часть. За исключением отдельных случаев, связанных с постоянной боевой готовностью. И в воинских частях, дислоцированных за пределами государства. Там личное оружие было всегда при офицере. И даже во время поездок в СССР в отпуск.

На втором, третьем курсе тактическую дисциплину у нас вели другие преподаватели, не

менее замечательные. Братья близнецы, подполковники Андроновы. Никогда нельзя было понять, кто из братьев пришёл на лекцию. Хорошо, что в армии форма обращения начисто лишена была имён и отчеств. Они оба были высокие, стройные, и на одно лицо. На парадах выступали, как ассистенты знаменосца. Было оригинально и красиво.

Основным преподавателем, который вёл тактические занятия у нас на втором и третьем курсе был только что прибывший из академии майор Юрий Сервианов. Недавний слушатель военной академии, он умел с нами поддерживать не только официальные, но и дружеские, при том, отношения. Учитывая, очевидно, ошибки в преподавании своей дисциплины преподавателями в академии, он занятия вёл интенсивно, часто прибегал к контрольному опросу слушателей, и всеми способами добивался не механического запоминания предмета, а умения применять знания на практике. О таком преподавателе можно только мечтать, и мы с сожалением с ним расставались, заканчивая курс обучения. И, думалось, что уже никогда с ним не встретимся, ведь разъезжались по всему Советскому Союзу. Однако, встретиться, мне, например, с ним было суждено. Через долгие годы. В Хабаровске, я был уже несколько лет директором военного завода, полковником, по вызову начальства приехал в штаб Дальневосточного военного округа и, подымаясь по лестнице, вдруг, услышал фразу, старый, знакомый голос: «А ты что здесь делаешь?». Смотрю, навстречу мне идёт генерал Сервианов. Встреча была радостной и тёплой. Я его пригласил к себе на завод в любое удобное для него время. Позвонил он мне через пару часов, извинился, что приехать не сможет. Срочно вылетает в Уссурийск. К новому месту службы, заместителем командующего пятой армией. Через недельку должен быть военный совет, вот тогда может быть удастся увидеться. Так и произошло. На Совете присутствовал мой друг по училищу, Матвей Безинов, и они оба были у меня в гостях, на обеде, долго, до самого поезда мы обедали в банкетном зале заводской столовой. Они все нахваливали и зал, отделанный Амурским бархатом, и блюда, приготовленные для этой встречи замечательным шеф-поваром Фаиной Ивановной.

Матвей в те времена был начальником укрепрайона на советско-китайской границе, в непосредственной близости от Уссурийска, и в плане оперативно полностью подчинился командованию пятой армии, с Сервиановым они виделись довольно часто. В процессе встречи обменялись сведениями о своих семейных делах. С Матвеем мы и так дружили семьями и знали друг о друге всё, а генерал похвалился, что теперь он лёгок и свободен, обеих дочерей недавно выдал замуж, квартирами обеспечены, одна – в Киеве, другая – в Харькове.

Всех преподавателей описывать не имеет смысла, тем более, что по ряду предметов они часто менялись и особенно ярких воспоминаний о себе не оставили. Например, по устройству боевых машин. Один вёл занятия по общему устройству двигателя, другой – подробное описание всех систем двигателя, третий – обслуживание и ремонт, и так далее.

Очень серьёзно в те времена изучалась противохимическая подготовка и оружие массового поражения. Этот предмет вёлся преподавателями во главе с полковником Ивановым—2. Он, Иванов, требовал, и не зря, чтобы мы знали все отравляющие вещества, стоящие на вооружении вражеских армий и способы преодоления заражённой местности, способы и умение проводить дегазацию и дезактивацию и газообразных и жидкостей, и капельных и радиоактивных веществ. И всё это с большим количеством тренировок, в противогазах, противохимических костюмах, во всех условиях местности и зданий. Неоднократно бывало, что возвращаемся с перерыва в классы, а в подъезде перед этим сгорела адамситовая шашка. И все кашляем и плачем, это, правда, те, кто во время не сориентировался и не одел противогаз, или оставил противогаз в классе. Часто на путях наших передвижений разбрызгивался хлорпикрин, или другие гадости, после которых долго кашлялось и плакалось. В этих случаях, после одного-двух раз мы уже реагировали быстро и правильно. Несмотря на все эти шуточки, мы понимали, что научить можно только такими способами... Через реальные ощущения неприятностей и опасностей. Иванова—2 уважали, что не мешало нам проявлять максимум из-

воротливости, чтобы провести его на многочисленных зачётах и экзаменах.

Огневую подготовку и артиллерию вело на нашем курсе два преподавателя. Устройство и обслуживание артиллерийских орудий (систем) преподавал подполковник Кононов, стрельбу из них майор Чумаков. Чумаков был очень эрудированный артиллерист. Серьёзный. Шутил без намёка на улыбку. Его выражение «Правила стрельбы знаете, стрелять умеете, но не попадаете. Пока оценка – «двойка». И мы все старались, чтобы подобная фраза не прозвучала.

Стреляет каждый за себя. Независимо от вида стрельб, то ли с остановки, прямой наводкой, или с короткой остановки, или с закрытых позиций. Правда, при групповой стрельбе оценку получает подразделение, и здесь уж всё зависит от стреляющего, который находится на одном углу треугольника батарея—цель—стреляющий (корректировщик). Для стрельбы с закрытых позиций мы все тренировались и были готовы работать в любой роли, от командира танка или САУ до механика водителя, от стреляющего до заряжающего, но всегда в групповых упражнениях старались протолкнуть наиболее оперативного и способного решать тригонометрические задачи стреляющего. Чумаков не возражал, правда, иногда высказывал мысль, что уклонистам в жизни будет нелегко. Стреляли мы, обучаясь на тяжёлом профиле из самоходных установок со 122-мм пушкой или из ИСУ-152. Оба случая не из лёгких для заряжающего, поскольку снаряд при раздельном зарядании весит прилично. У 152-мм под полцентнера. У 122 миллиметровой пушки немного легче, но в обоих случаях надо снаряд швырнуть в казённый так, чтобы он врезался в нарезы ствола, за ним дослать гильзу с порохом, и закрыть затвор, клиновой или поршневого. Всё по секундным нормативам времени. И доложить командиру орудия – «Готово!». В один из последних тренировочных заездов перед годовым, за второй год экзаменов наш одноклассник Шмавон Газанчан, зарядил пушку, не поставил рукоятку клинового затвора на предохранительную защёлку, доложил – «Готово!» и во время отката рукоятку сорвало. Ему раздробило нижнюю челюсть. Я его самолично вытаскивал из боевого отделения. Удачно, что это была первая короткая остановка и самоходка отошла от начального рубежа недалеко. Командир машины доложил по радио о несчастном случае, мне удалось прибежать раньше врача. Лицо Шмавона представляло собой ужасное месиво из костей челюсти, зубов, мякоти щёк. Врач наложил на эту рваную открытую рану много ваты и бинтов, Шмавона положили в кузов грузовой машины ГАЗ-53, и помчались в Чернигов в госпиталь. Шмавон без сознания. Дышит. Его окровавленную голову положили мне на колени, врач следил за общим состоянием. Сделал какой-то укол. Домчались до госпиталя минут за тридцать. Вносим в приёмное отделение, а дежурный врач хочет долго и обстоятельно поговорить. Благо, пробежал по коридору подполковник, вроде начальник, скомандовал – немедленно в операционную. Спасибо врачам. Были опытные в челюстно-лицевой хирургии. Видно, не потеряли навыков ещё со времён войны. Челюсть восстановили. Изготовили одиннадцать искусственных зубов, это за период трёх месяцев, наш товарищ вернулся в строй, и домой съездил в отпуск после второго курса с нормальным лицом. Не без того, что родные попереживали, но сам он был парень мужественный. Не знаю, а хотелось бы знать, как распорядилась его жизнью судьба в дальнейшем. Он был из Карабаха, из тех армян, которые разговаривали на азербайджанском языке лучше, чем на армянском, но безгранично любил армянскую культуру. Пел армянские песни высоким тенором.

В училище было две учебных библиотеки, одна художественная, одна научная. Из учебных одна была несекретная и одна секретная. Ежедневно, перед началом самоподготовки от каждого взвода курсант со специальным допуском получал литературу для всего взвода. Один – в секретной библиотеке, другой – в несекретной.

Несекретную литературу получать было поручено мне, а секретную – моему другу, с которым мы все три года сидели за одним столом в учебных классах, в столовой, наши койки в казарме были рядом. Учебные столы в аудиториях были рассчитаны на три человека. Третьим другом среди нас был Матвей, которого я уже упоминал. В некоторых общественных долж-

ностях имеются свои положительные стороны. И здесь мы с Виктором использовали свои обязанности в личных целях. Мы могли в учебный корпус перед началом занятий ходить без строя, несколько раньше всего взвода, чтобы к началу урока книги были у каждого, кто их заказал, а возвращаться с самоподготовки со значительной задержкой, так как секретную литературу и литературу для служебного пользования библиотекари обязаны были принимать по листно. Так, что и в столовую на ужин мы часто приходили чуть позже. С некоторых пор Виктор стал задерживаться, и мне приходилось его подолгу ждать, чтобы идти на ужин вместе. Один раз он слишком задержался, и я решил за ним зайти. Захожу в библиотеку, а книги уже сданы, но Виктор стоит у окошка и о чём-то увлечённо разговаривает с библиотекарем.

Библиотекарь секретной библиотеки, Инна. Интересная, с греческим профилем блондинка, завсегда всех наших экскурсий, танцевальных вечеров, артистка в драматическом кружке, вообще общественница. И он увлечённо с ней воркует, пока его приходится ждать. Я с ней раскланялся. С ней знакомы были все, даже незначительно активные в общественной жизни курсанты. Виктор сразу же откланялся, и мы пошли далее шагать по распорядку дня. Далее я знал, что его ждать не имеет смысла, дошло до того, что он приходил в столовую, когда рота уже возвращалась в казарму. Всё списывалось на тщательную приёмку секретной литературы работниками библиотеки. Виктор со мной пооткровенничал, что ему очень интересна эта особа, и он готов на углубление отношений, но мало бывает в увольнениях, а ей надо большое внимание. Тем не менее, в скорости была общая вечеринка, организованная, уже не помню по какому поводу, участвовали все свои, кроме нас, ещё два курсанта, две девушки лаборантки с явными планами найти курсанта своей судьбы и выйти замуж, и Виктор с Инной. В частном доме в Святошино. Закончили за добрый час до окончания вечерней поверки, пошли провожать дам. Жили все недалеко от училища, или в училищном городке, или в Святошино, в двух остановках трамвая. Инна жила за забором училища, её отец в былые годы был преподавателем и находился на пенсии. Никто на поверку не опоздал. «Отбой», и все моментально уснули. Через часок слышу подозрительное шевеление со стороны койки Виктора. Смотрю, он делает под одеялом «куклу» из одежды и шинели – вроде спит, и, в трусах и сапогах вышел из казармы. Было тревожно за товарища, я спал, много раз просыпаясь, а утром, когда прозвучал подъём, народ выбежал в туалет, во время построения Виктор встал в строй, не заходя в казарму. И бежал кросс вместе со всеми. И делал вольные упражнения. Когда была команда: «Зайти в расположение и приступить к туалету», он вскочил в помещение быстрее всех, чтобы разрушить куклу. В течение дня он рассказал, не мог не рассказать, что родители Инны с её трёхлетней дочкой уехали в деревню к родственникам, и что она пригласила его к себе во время вечеринки, и учила быть мужчиной, он оказался способным учеником, и пока дней десять родители были в деревне, Виктор каждую ночь, уже с нашего с Матвеем ведома, и при нашей тактической поддержке убежал из казармы учиться на мужчину. Нравилось и ему и Инне. Со своим мужем она развелась уже более двух лет тому. За мужчиной соскучилась. За эти дни и ночи Витя измотался и потерял в весе килограмм пять-шесть. Так, что это заметил и командир взвода, теперь уже лейтенант Владимир Шутов. Который был после Щупушкина.

Шутов закончил наше училище и нашу роту в год, когда мы поступали. Прекрасно владел всеми операциями служебной деятельности любого члена экипажа тяжёлой самоходной установки или танка. Получил первичное воинское звание и его оставили командиром взвода учебных машин, где служили инструкторы, сорока-пятидесятилетние механики, прошедшие войну, и не очень нуждавшиеся в том, чтобы ими командовал молодой лейтенант. Все они были на положении преподавателей, с высокой долей серьёзности и ответственности. Но таково штатное расписание, и порядок требовал, чтобы с людьми кто-нибудь занимался политической и другими, неотъемлемыми от армии подготовками.

Отец Владимира Шутова – почётный гражданин города Киева, дважды Герой Советского союза, потерял одну руку во время освобождения Киева от немцев. Тоже танкист. Неодно-

кратно бывал в училище, выступал со своими воспоминаниями о Великой отечественной войне. Конечно, карьера сына была не без оглядки на заслуги отца.

За что мы уважали своего взводного, так это за готовность всегда и везде переносить трудности подчинённых совместно с ними. Он легко справлялся с задачами физической подготовки, охотно тренировал отстающих. И у него во взводе никогда не было неудовлетворительных оценок ни по одному предмету, требующему практических навыков и натренированности. На марше, в дальних забегах, кроссах он всегда участвовал с нами и, подгоняя отстающих, поддерживая их, в конце этапа всегда умел рвануть и прийти к финишу первым или среди первых. Нормативы по заряданию пушки, посадки и высадки из боевой машины, элементы гимнастики мы тренировали себя сами.

Он занимался, как видом спорта, фехтованием. Любил эскадрон (саблю) и шпагу. Мы были с ним в одной команде. Я занимался эскадронным и штыковым боем. Сейчас штыковой бой уже много лет выведен из фехтования, как вид. Но тогда был. И я тренировался в одной команде со своим командиром взвода и неоднократно вступал с ним в единоборство, по сабле. Он выигрывал чаще. Был выносливее и физически сильнее. На окружных и республиканских соревнованиях мы занимали достойные места. Однажды, некто Островский, чемпион Киевского военного округа по штыковому бою, после того, как мне проиграл бой со злостью, держа карабин за шейку приклада, размахнулся, я уже стоял и ждал решения судей, и ударил по ещё не снятой маске. Сетка маски впечаталась в левую щеку, голова получила хорошее сотрясение. Его дисквалифицировали сроком на год, а я ходил с лицом «в арифметику» более месяца. Но я отвлёкся от воспоминаний о своём командире взвода.

Лейтенант Шутов очень умело сочетал командирские и дружеские отношения со всем взводом. Никто из курсантов не мог на него обидеться за несправедливость. Когда мы выпускались из училища, он был замечательным наставником, что касается первых офицерских шагов. После выпуска мы, к сожалению, не пересекались, как и с другими своими сокурсниками. Но через сорок пять лет, в двухтысячном году, когда все отставные, и я в том числе, искали себе применение в новой жизни, я встретился с одним неординарным человеком. Генералом от авиации в отставке. В те поры, чтобы обеспечить своей семье нормальное существование, он вынужден был торговать любыми товарами. Начиная от тушёнки и кончая турецкими овощными консервами. Мы разговорились о прохождении нами воинской службы в Советской армии. Когда я обмолвился, что был знаком с почётным гражданином Киева, дважды Героем Шутовым, его сын был у меня в училище командиром взвода. Этот генерал сказал: «Я Владимира Шутова знаю. Мы с ним вместе заканчивали академию генерального штаба. В те поры, в восьмидесятых годах, он был генерал-лейтенантом и командовал большим соединением в центральной Сибири». Значит, лейтенант Шутов Владимир сделал карьеру.

Вторым взводом нашей роты тяжёлых машин командовал старший лейтенант Иван Кутный. Высокий, стройный, до состояния худобы, всегда в сапогах и при ремне с портупеей, он

Восточная часть училища
выходила на улицу полковника Шутова.

чрезвычайно сухо обращался с подчинёнными и не отказывал себе в удовольствии длительных нравоучений любому курсанту, попавшемуся ему на глаза. И своего, и других взводов и рот. Служака. Встретаться с ним было не очень желательно, и все мы старались обходить его стороной. Под стать пастуху и стадо. Люди его взвода отличались некоторой ограниченностью, и, теперь сказали бы зашуганностью. Хотя, были среди них и ребята с весьма критическим отношением и к нему, и к другим командирам и преподавателям. До курсантов доходили сведения о сложностях в семейном положении Ивана Кутного, о постоянных болезнях его жены и детей, и о том, что он умело вызывает жалость к своей личности и семейному положению со стороны руководства.

30 августа 1977 года я был в командировке из Хабаровска в Киев, на заводе, который был удачно расположен через забор с нашим бывшим училищем. На Железнодорожном пересечении. В курсантские времена мы на этой, тогда ещё рембазе, несли службу противопожарного патрулирования. В ночное время. Очевидно по договорённости между командованием базы и училища. Сейчас это стал наиболее передовой завод в Вооружённых силах.

Захотелось вспомнить и места, где служил мальчишкой, и казарму, и дорожки, по которым ходил, и командиров. Самоходное училище было давно расформировано, но на его месте дислоцировалось Училище Ракетных войск СССР. Зашёл в казарму, и носом к носу столкнулся с полковником Кутным. Он здесь, на своём месте, даже в одной казарме, прослужил более двадцати лет и вырос по службе с лейтенанта до полковника. Стал командиром батальона курсантов. Несмотря на время, прошедшее со времени нашей совместной службы он меня узнал. Мы часок посидели у него в кабинете. Вспоминали курсантов нашей, шестой роты. Обо многих он знал по причине своей неподвижности с этого места, многих встречал я. Думаю, он так и ушёл на пенсию, не увидев службы в линейных частях армии. Но, каждому — своё.

Иван Иванович Петров. Личность, без преувеличения сказать, легендарная, в кругах большого количества выпускников Киевского Краснознамённого училища самоходной артиллерии, революционеров, боровшихся за независимость Украины в 1-й Украинской дивизии, которой командовал Щорс Николай Александрович в 1918 году, общественности Киева.

Царский офицер, как и Н.А. Щорс, перешедший на сторону революции. После того, как Н.А. Щорс, организатор отряда имени Богуна, стал командовать корпусом, состоящим из Богунского и Таращанского полка, Богунским полком командовал И.И. Петров. Петров был ранен в том бою, в котором убит Щорс, в районе города Коростень. После излечения вернулся к командованию полком, впоследствии служил на различных должностях в РККА вплоть до начала Великой отечественной войны. В войну получил квалификацию танкового командира, закончил войну в звании генерал-лейтенанта. Его высокий культурный уровень и общая эрудиция были замечательным аргументом в пользу того, что он занимался воспитанием молодых офицеров для Советской армии.

Мы его любили, ему подражали, к его мнению прислушивались и преподаватели, и строевые командиры, и курсанты. Среди нас он насаждал лучшие офицерские качества, присущие русским гусарам из древних времён. Очень часто в рамках общеобразовательного цикла проводил занятия о порядке поведения офицера и человека в различных обстоятельствах. Вплоть до поведения на вечеринках, банкетах, приёмах, балах, за столом. Его жизненная школа, для тех, кто хотел усваивать, была единственной и неповторимой в своём роде. В училище учились до тысячи человек, и к концу первого курса он знал всех по фамилии. И странно было слышать перед строем всего училища, когда он мог сказать: «Командир шестой роты, у курсанта Огородникова фуражка одета набекрень!»

Детей, в связи с ранением а пах, у него не было. Но каждый выпуск, он брал одного курсанта, и, не выделяя его из общей массы, при полном соблюдении устава и правил, вёл парня по жизни, как своего сына. Особенно, если у последнего не было родителей, или отец погиб на фронте. Наше время не было исключением. Он выбрал курсанта Бетехтина, отличника учёбы,

спортсмена, скромного здоровяка. И довёл его до генерал-полковничего звания с соответствующим продвижением по служебной лестнице.

Иван Иванович жил на Крещатике, систематически по вечерам гулял с женой по городским улицам и Первомайскому парку. В 1956 году подготовил и участвовал в открытии памятника своему командиру и сослуживцу Щорсу. На пересечении бульвара Шевченко и улицы Коминтерна, которая идёт стрелой от главного вокзала.

Его первый заместитель, генерал Красноголовый, был, не в пример командиру – солдафон, грубиян и не признавал никаких этикетов и условностей, кроме того, что написано в армейских уставах.

Этот начальник был грозой для всех, кто был ниже него в своём звании, и жёстко расправлялся с каждым, кто посмел «своё суждение иметь».

И если Иван Иванович приглашал из оперного театра или народного ансамбля танцовщиц, чтобы танцевать на училищных вечерах в первой паре полонез, то генерал Красноголовый, после отъезда Ивана Ивановича домой, проходил сквозь танцевальные залы с патрульными, отбирал сверхсрочниц (так мы называли девушек, которые уже танцевали три года, сделали один или два выпуска, за муж не вышли, но ещё надеялись найти здесь женихов), и приказывал: «Товарищи курсанты, отведите этих блядей на гауптвахту». Начальнику караула по телефону приказывал, отпустить этих дам не раньше, чем они помогут полы во всём караульном помещении. Накормить ужином обязательно. И так каждый месяц, по известному ему одному графику. Некоторые дамы мыли полы по несколько раз в год.

Однажды он услышал, как кто-то крикнул: «Красноголовый идёт!», на что он во всеулышание громко, заявил: «У меня хер красноголовый, а я генерал Красноголовый!». С таким воспитателем всё равно было интересно и весело. Мы любили контрасты и, понимая нюансы, выбирали лучшую середину.

Другие командиры и преподаватели приходили и уходили, не оставив в наших головах и душах частички своего существа, но в общем и целом училище оставило след в каждом из нас, как лучшее время нашей жизни, как время, которое определило и наши характеры, и наши надежды, и наше отношение к служебной карьере.

Мы были молоды и полны надежд.

Курсант.

Три года, проведённые в курсантской шинели были самыми счастливыми и беззаботными годами за все годы, проведённые в строю.

Вадим был из медицинско-ветеринарной семьи в четвёртом поколении и мечтал стать медицинским хирургом. Семья ко времени выпуска из средней школы жила в городе Виннице, там же были друзья и подруги, там зародилась первая любовь, казалось, что это последняя, там были произнесены первые слова клятвы в верности.

Предметом его воздыханий была плотненькая гимнастка, Галя, студентка физкультурного техникума, довольно грамотная и эрудированная для своих восемнадцати лет девушка, которая и сама была во власти влечений к Вадиму. Правда, они оба, в результате воспитания могли сутками находиться вместе, но и не помышляли переступить ту грань, которая дала бы право называть друг друга мужем и женой, в крайнем случае, стать элементарно любовниками. Дружить они стали лет с пятнадцати, взаимоотношения носили весьма доверительный характер. Это через годы понятия искривились и стали «элементарно» обыденными.

Вадим не пропускал ни одних спортивных соревнований, в которых участвовала его лю-

бимая, болел за неё, высчитывал параллельно с судьями её оценки, его познаний в гимнастике хватало, чтобы оспаривать несправедливое судейство, или проводить анализ после соревнований.

К моменту окончания техникума она стала мастером спорта по спортивной гимнастике, в то же время Вадим закончил десятилетку, оба получили среднее образование, оба мечтали о высшем, благо, она окончила техникум с отличием, и её направили без экзаменов, как личность перспективную, в Киевский институт физической культуры. Иначе для неё и быть не могло. Она получала пенсию за погибшего в Великой Отечественной войне отца. Он был генералом от артиллерии, погиб в последние дни войны. Пенсия выплачивалась до окончания образования, составляла восемьсот рублей по времени пятидесятых годов. Не поступать в институт в её положении было бы безумием. И она стала ждать вызов.

Семья Галины состояла из матери, Зинаиды Климентьевны, бабушки и двух младших сестричек. 1950 год оказался неудачным, даже несчастливым годом для их семьи. Умерла бабушка, а через три месяца средняя из сестричек, от опухоли мозга. Вадим взял на себя часть забот по похоронам сестрички – Шурочки. Ей было всего девять лет, и она была очень живым и любознательным ребёнком. С Вадимом у неё были близкие, дружественные отношения, она его любила не меньше, чем старшую сестру. Часто жаловалась на сестричку, если та поступала несправедливо.

С Зинаидой Климентьевной у него были тоже хорошие отношения, хотя, в душе, он понимал всю никчёмность существования молодой, тридцатишестилетней вдовы, которая, упиваясь своим вдовьим горем, нигде не работала и не хотела работать, существовала только на небольшое пособие от государства, назначенное после гибели мужа. Ни одного семейного вопроса она не решала, не посоветовавшись с Галей и Вадимом, всё повторяла: «Надо поговорить с нашим профессором, он рассудит толково». Профессор это непререкаемый авторитет. Вадим, друг дочери, авось, будет зятем. И он бывал в доме чуть не ежедневно, ведь они дружили уже три года. Отношения были чрезвычайно доверительные.

В это время Вадим подал свои документы в Винницкий медицинский институт. Начал благополучно вступительные экзамены. К концу августа уже был студентом.

В это время Галя получила извещение о зачислении на первый курс в Киеве.

Разговор, приведший к непредсказуемым последствиям между молодыми людьми, происходил на водной станции «Локомотив», что располагалась на острове, между Старой и Новой Винницей.

– Ну, вот и все, Вадим, я уезжаю в Киев, там буду учиться, будут новые люди и новые ухажёры. Наверное, всё между нами кончено.

– Я буду к тебе приезжать на каникулы, может быть, иногда, и на выходной день. Здесь расстояние всего двести километров. Поезд идёт меньше четырёх часов.

– Всё это не то. Очевидно, наша любовь заканчивается. Посуди, чего ждать целых пять лет? Старения, и ни с кем ничего, без общения и радостей, которых у нас и так мало.

– Ты хочешь срочно замуж?

– Нет, я хочу, чтобы ты был всегда рядом, а замуж – после окончания института.

Оба остались этим разговором недовольны, оба с полным расстройством и неудовлетворением пришли к себе домой.

На следующий день Вадим пошёл в свой институт, написал заявление, что просит дать справку о том, что он принят в институт на лечебный факультет, и справка дана для перевода в Киевский медицинский институт.

Конечно, администрация института в выдаче такой бумаги отказала, пришлось обращаться в горком комсомола, и по его ходатайству Вадим документы свои получил. Без строч-

ки о переводе в другой институт.

И помчался в славный Киев-град, в медицинский институт, в полной наивной надежде на зачисление, где ему благополучно отказали, поскольку свой приём у них закончился, было в тот год шесть человек на место и кандидаты на зачисление стояли в очереди, ожидая, когда кто-нибудь споткнётся из новоявленных первокурсников.

Он в ветеринарную академию, что в Голосеевском лесу.

– Вы, что, молодой человек, сами не знаете, чего хотите? Вы поступили в медицинский, теперь хотите в ветеринарный, а после этого можете захотеть в политехнический. Вы несерьёзные, по крайней мере,— сказал декан факультета.— Мы не можем, и не хотим вас взять.

Пришлось, не солоно хлебавши, возвращаться в Винницу. От восторженной самостоятельности и самонадеянности не осталось и следа. Совершены опрометчивые детские поступки. И это в свои годы довольно приземлённый парень понял сразу. Жизненный опыт. Оказалось, что на освободившееся место после скандального выбытия Вадима взяли кандидата. На этом эпопея с медициной, не считая домашних скандалов и возмущений родителей, закончилась.

Далее — военкомат. Призыв в Красную армию, как альтернатива высшему образованию.

– А поступайте в военное училище, подготовка у Вас хорошая, физически вы, пожалуй, тоже подойдёте, да и время не потеряете. Соглашайтесь.

Предложил начальник, который занимался призывниками.

– А в Киеве, какие-нибудь училища есть?

– Есть. Вы можете выбирать: общевойсковое (пехотное), медицинское, танко-техническое, артиллерийское полевой артиллерии, самоходной артиллерии, пожарное, авиационное, и другие есть. Рекомендуем самоходной артиллерии. Это то же, что и танк, только башня не вращается, да эрудиция требуется пошире. Углублённое изучение артиллерии, математики. Да высокая тактическая грамотность.

– Согласен, направляйте в самоходное.

Ему в тот момент было абсолютно безразлично, быть бы ближе к любимой.

– Ладно, дадим вам комсомольскую путёвку, а то там в этом году привалила масса переростков, заставших, как и вы войну. Конкурс большой. Ведь народ, окончил десятилетку и идти на три года рядовыми, а кто попадёт на флот, то и все четыре, это плюс к потерянным в войну.

И фарс, под названием «Поступление в военное училище», начался. Именно фарс. Было очень забавно, когда умнейшие ребята, после медицинской комиссии, не добрав один сантиметр до минимального установленного командованием роста, объявлялись не выдержавшими конкурса. В этот год училище могло позволить себе роскошь набирать парней не ниже ста семидесяти сантиметров. Был начальник училища генерал-лейтенант Петров, Иван Иванович, уникальнейший человек, офицер, воспитатель и учёный. Так это ему, человеку низкорослому, хотелось на парадах шагать впереди строя богатырей.

Строй училища на парадах, действительно, отличался своей оригинальностью. Впереди шёл генерал, не более ста шестидесяти сантиметров ростом, плотного сложения, за ним — знаменосец, в наши времена Витя Толстой двух с лишним метров, его ассистенты подполковники братья Андроновы с шашками наголо, тоже немалого роста, пожалуй, около ста восьмидесяти сантиметров. И дальше — всё училище, все высокие, крепкие, хорошо кормленные, тренированные, спортивные.

В тот год принимали три роты по сто человек на каждый профиль. Профилей — три. Тяжёлые самоходные установки, это 122 мм пушки и 152 мм обе на базе тяжёлого танка ИС-3, Средние — 100-мм пушка на базе Т34, и лёгкий, это Су-76, позже прибыли тогда секретные десантные АСУ-57. Всего триста человек на курсе.

После медицинской комиссии отсеялось и уехало домой около половины поступающих. Многие, кто не вышел ростом поехали пытаться счастья в другие училища. Ещё большая группа не прошла первого вступительного экзамена — физической подготовки. Упражнения были, в основном, силовые, и те кандидаты, которые ранее не занимались спортом, конечно, их выполнить не могли.

И осталось в борьбе за место в учебном процессе училища менее, чем три человека на одно место. Здесь уже фактически не было препятствий для средних знаний, и всё же ребята из слабых сельских школ поступить не смогли. Если учесть, что льготниками были представители национальных кадров для комплектования национальных дивизий, типа грузинских, армянских, казахских, азербайджанских, которые через пару лет были расформированы по элементарным причинам внутренних конфликтов. Гонору и, например, грузинского высокомерия — хоть отбавляй. Горький в своём произведении «Мой спутник» был очень прав.

Большинство представителей льготных национальностей были очень далеки от каких-либо знаний, в особенности, русского языка, математики, географии. Многие из них ещё на этапе поступления пытались организовать традиционные для своих мест базары, товарообмен, куплю-продажу. Это всё в процессе обучения было искоренено и забылось, как позорное прошлое.

Все, кто прошёл через физподготовку, язык и математику — были зачислены. Сформированы взводы, роты, батальон, который состоял из трёх рот и представлял собой курс.

Вадим попал в роту тяжёлых машин, в первый взвод, сформированный из наиболее грамотных парней, что преследовало изначально, цель — иметь лучший взвод в роте, быть готовым к «показухе». Во взводе было двое ребят из Армении, один грузин, один молдаван, остальные из России и Украины. Парни из республик конкурса по росту не проходили и единственным условием было, чтобы хоть немного они понимали русскую речь. Впоследствии, года через два, они прекрасно изучили язык, с удовольствием читали русские книги. Многие украинцы и русские проявляли интерес к армянскому языку и грузинскому. С удовольствием обучались и общались.

Одели всех по солдатской норме в кирзовые сапоги, хлопчатобумажные гимнастёрки и шаровары, выдали портянки и пилотки. Постригли наголо. Зрелище было весьма неприглядное. Начался месячный курс молодого бойца, включающий в себя элементарные знания уставов и поведения военнослужащего, с последующей клятвой на верность отечеству, или попросту военной присягой.

Присягу принимали в торжественной обстановке, при построении всего училища, в первый день учебного года, который начинался первого октября.

После присяги курсантов разрешено было отпускать в увольнение в город, до вечерней проверки (поверки, на воинском жаргоне, узаконенном уставами).

В увольнение хотели все. Очень хотелось после месячной маршировки, хождений в строю даже в столовую, побыть какое-то время на свободе. Но, учитывая потребности друг друга, и зная кому из нас есть необходимость быть в городе прежде других, Вадиму выпала первоочередная удача. Ему необходимо было уладить личные дела. Поход в городское увольнение сопровождался целым рядом процедур, на первый взгляд, лишних, но без них ты в увольнение не пойдёшь.

Во-первых, ты представляешься командиру отделения для осмотра на предмет внешнего вида, подстриженности, побритости, подшитости (воротничек гимнастёрки должен быть подшит белым материалом, чистый, выглядывать над кромкой воротничка на толщину спички), наглаженности одежды и чистоты сапог. Пуговицы должны блестеть, ремённая пряжка начищена, всё имеет значение.

В момент, когда предстоит отправка в город, все увольняемые выстраиваются и пред-

ставляются старшине роты. В те времена выдавались на руки каждому увольняемому личные знаки, представляющие собой штамповку на алюминиевом квадрате. На знаке — личный номер, записанный в красноармейской книжке, а также наименование воинской части. Личный номер присваивался на весь срок службы красноармейца (курсанта). Наличие у солдата или курсанта личного знака свидетельствовало, что он отпущен в город до вечерней поверки на законном основании. Патрулями проверялся вместе с красноармейской книжкой.

После проверки старшиной внешнего вида и выдачи личных знаков курсанты представлялись дежурному по училищу, и после соответствующего напутственного инструктажа можно было пересекать линию ворот.

Эта процедура была преодолена, и наш герой двинул на трамвае №23 в город, где на улице Красноармейской был Киевский Институт физической культуры и его общежитие. На этой же улице в те времена находился Киевский цирк, который в конце пятидесятых переехал на площадь Победы. Но это уже не при Вадиме. Он взял билеты на лучшие места, цирковое искусство всегда привлекало и его и Гаю, и с билетами уже пошёл к ней в общежитие. Пройдя кордоны вахтеров, нашёл её комнату. Встретились. В комнате жило человек шесть девчат, каждая занималась своим делом, некоторые спали, кто-то сидел над учебниками. Встреча была слегка натянутой. Такой настороженности Вадим не замечал за ней никогда ранее. Свидание в комнате общежития на глазах у интересующихся кумушек было неудобным. Позвал сходить в цирк. До представления было ещё добрых два часа. Решили перед представлением прогуляться. Идут по красивой улице, заметно, что Галя стесняется чего-то, чувствует себя неловко. Разговоры велись отвлечённые, и по поведению своей дамы Вадим пришёл к выводу, что ей не нравится его теперешний статус. Напрямую ничего не было высказано, но чувствовалось.

И вдруг она вовсе стушеввалась, и отвернулась, сказав: «Ой, Владлен Константинович идёт с женой». Был такой мастер спорта по гимнастике, тоже из Винницы. Потом заведовал кафедрой гимнастики в Киевском институте. Общий знакомый. Жена — спортивный врач. Вместе работали над научной тематикой по физиологии тренировок.

Поведение Гали переполнили чашу долготерпения чувствительного и ранимого друга. И он, вдруг, понял, что жертвы, брошенный институт, порванные отношения со многими, поступление именно в Киев, чтобы было ближе к ней, того не стоили. А ей было элементарно стыдно его солдатского естества. Сказывалось воспитание в семье генерала и полнейшее пренебрежение, если не сказать больше, к лицам рядового состава.

Он, сдерживая бушевавшие в нём мысли и страсти, сумел произнести: «Да, я и забыл, я сегодня должен заступать на дежурство, вот билеты, пригласи кого-нибудь». И с этими словами, он вручил ей билеты, вскочил на подножку проходящего мимо трамвая и уехал обратно в казарму.

Это было бегство, что стало ясно впоследствии, после анализа событий. Но бегство от выяснения отношений. Прибыл из увольнения досрочно — к обеду, чем весьма удивил ребят из своего взвода. На этом закончился период романтических взаимоотношений с единственной и неповторимой. Было облегчение от присутствия среды, которая вообще исповедовала в тот момент лёгкость во взаимоотношениях.

Было ещё две встречи между Вадимом и Галей за период трёхлетнего обучения.

В зимнее время, когда позволял снежный покров, в училище не обходилось ни одного воскресенья без лыжных прогулок и зимних спортивных мероприятий. В одну такую прогулку они съехались в распадке между двух холмов во время лыжного пробега. Ему останавливаться было невозможно, нельзя подводить свою команду, а она, очевидно, просто каталась. Увидели друг друга, и Вадим, не останавливаясь, побежал дальше.

Вторая встреча была в оперном театре, смотрели балет «Дон — Кихот», оказались в со-

седних ложах, увидели друг друга в антракте. Встреча носила визуальный характер, издали раскланялись. Не более.

Учёба шла легко. Редкие перегрузки на полевых учениях не казались чем-то из ряда вон. Для многих физические нагрузки и лишения казались непреодолимыми, только не Вадиму, прошедшему большую жизненную школу. По всем предметам у него были только отличные оценки, он мог консультировать и помогать товарищам, особенно парням, не знающим русского языка — армянам, грузинам, таджикам. Было пара хлопцев с невысоким интеллектом с Западной Украины. Первый курс был, конечно, напряжённым, но не настолько, чтобы об этом стоило говорить. Курсанты освоили простейшие навыки командования танком, обязанности механиков-водителей, командиров орудий, наводчиков. Все получили права водителей автомобилей и мотоциклов. Изучили большой курс военной топографии. Прошли определённую школу выживания в экстремальных ситуациях. Все умели разжечь костёр, сварить кашу с тушёнкой, знали правила поведения в разведке, в лесу, в поле, но...

В зимний период обучения, когда проходили стрельбы из штатной 122 мм пушки, произошёл маленький инцидент, который был потом не только тягостным воспоминанием, но и руководством к действиям на протяжении всей жизни.

Вадима с ещё одним курсантом, Вовой Карпюк, парнем родом из Закарпатья поставили на другом конце полигона в оцепление для недопущения проникновения в зону стрельбы посторонних. Это был важный пост на скрещении зимних дорог, по которым местные жители возили дрова, сено из копен, находящихся в лесу, и другие грузы, но в тот день возы с сеном или дровами могли попасть под обстрел, и стояла задача — не допустить.

Пост находился в шестнадцати километрах строго на юг от линии огня самоходок и немного дальше от казарм на полигоне Гончаров Круг. Черниговщина. Михайло Коцюбинский район.

Привезли ребят на машине, поставили задачу и предупредили, что за ними приедут к вечеру, сухой паёк был с собой, да по хорошему куску сала в качестве дополнительного питания. И по булке хлеба на брата. Можно и два дня спокойно прожить.

Развели костёр, грелись, разговоры вели на различные житейские темы, вспоминали свои семьи, рассказывали байки из своей гражданской жизни. У обоих было что рассказать или о чём умолчать. Не заметили, как прекратилась стрельба, часам к двенадцати дня небо заволочло тучами, началась метель. А стрельба была прямой наводкой, по обоюдному предположению прекращена из-за плохой видимости, вернее, по причине отсутствия видимости.

Вадим был старшим поста, ему пришла идея двинуться напрямик к центру полигона, двигаясь на север, он рассчитывал прийти к казармам через три часа. Сказано, и поддержано Владимиром. Не было смысла на голом перекрёстке, при задуваемом костре, сидеть и ждать машины. Побежали. А метель крепчает. Кажется, что движутся на север, но компаса нет, стороны света по местности и предметам, как учили по топографии, определить не удалось. Часов через пять движения парни пришли на место, откуда вышли, да ещё увидели следы машины, которая собирала оцепление. Тогда решили двигаться по дороге — специальная просека в лесу; по кругу это уже составляло более тридцати километров. Пошли. Но к этому времени уже совершенно стемнело, да они изрядно устали. На их пути, немного слева от дороги, встретилась копна сена. В копне и решили сделать малый привал.

Надёргали сена, легли, обнялись, расстегнув бушлаты, сверху ещё укрылись сеном. Создали душный, но тёплый микроклимат. Уснули оба моментально. Было около пяти часов утра, а проснулись снова к вечеру. Сначала подумали, что светает, но, оказалось при сверке часов — темнеет на закат дня. Они проспали весь день. Двинулись дальше. Настроение подавленное. Шли всю ночь. Метель прекратилась. Почти. К утру увидели следы нескольких человек на снегу. Пришли к выводу, что, коль была недавно метель, а следы чёткие, значит люди здесь

проходили недавно. Пошли по следам. И уже начали узнавать местность. До лагеря оставалось три-четыре километра. Они шли по территории танкодрома.

Вова Карпюк заявляет: «Ну, хорошо, я тут под этой сосной посплю, а ты пойдёшь и вызовешь людей, и меня заберут». Пришлось Вадиму его уговаривать: он один может и не дойти, говорить всякое, потом гнать Володю пинками, злиться самому, и в истерике, размазывая свои слёзы и сопля, бить друга по физиономии, но заставлять двигаться.

Ввалились в казарму на последнем издыхании, сидят среди ночи одетые курсанты, прямо на полу, это одна из групп, которые их разыскивали. По следам этой группы они и пришли.

Не обращая внимания на шум и возмущение товарищей, два друга упали на свои спальные места и моментально отключились. А через пару часов подъём, построение и явление перед строем командира батальона полковника Шарипова.

– Заблудившиеся выйти из строя!

– Кто был старшим поста?

– Курсант Огородников.

– Курсанту Огородникову, за неумелое командование постом и проявленную недисциплинированность объявляю десять суток строгого ареста.

– Курсанту Карпюк, за то, что не удержал товарища от дурного поступка – выговор. Становитесь оба в строй. На гауптвахту посадить по прибытии на зимние квартиры.

С прибытием в Киев Вадима постригли наголо, посадили на гауптвахту по строгому режиму, это – когда в одиночке, горячую пищу давали через день, в голодные дни – только хлеб по норме, и воду – сколько хочешь. Волосы к отпуску так и не отросли, хотя, скромный ёжик уже был, и можно было причёсываться и формировать причёску. А сразу после отсидки было очень неудобно отвечать на вопросы, и многочисленные, девушек на танцах.

Строгую гауптвахту отменили лет через десять.

Да. Танцевальные вечера. Они занимали немаловажное место в жизни вообще и в обучении в частности. Танцы были обязательны и проходили в обстановке относительной раскованности и являлись вознаграждением всему тысячному составу училища за недельный труд – бегом и только в строю. И только по минутам распорядка дня.

Иван Иванович Петров, начальник училища, строго следил за умением курсантов общаться с дамами, умением танцевать и умением вести себя в любой жизненной или светской ситуации. Он был горячо любимой и постоянно присутствующей личностью. Приезжал на своей служебной «Победе» к семи утра, выслушивал доклад дежурного, ждал в центре передней линейки, когда роты после подъёма выбегут на зарядку, снимал свой мундир, рубаху, оставался оголённым по пояс, делал со всем училищем физическую зарядку. В любую погоду, во все времена года, под дождём, снегом, и только оголённым по пояс, как и все курсанты. И в будни и в праздники. Сорок минут. Пробежка по большому кругу. Присутствовал на обеде и ужине или завтраке, не менее двух раз в день. Мог подойти к столу, обнять курсанта, и сказать:

– Сынок, возьми вилочку в левую руку.

И «сынок» уже никогда не нарушал правила обращения со столовыми приборами.

Так этот отец требовал, чтобы все, кто свободен от дежурства и не в увольнении, были на танцевальном вечере в клубе. И эта обязаловка не была в тягость, никому, даже многие, уволившись в город, возвращались ко времени танцев в училище. Не умевшие танцевать, обязаны были учиться.

В клубе функционировало три зала. Два балльных, один – космополитический. Что такое «космополитический», требуется разъяснить.

В те времена политика партии, комсомола, вообще культуры запрещала в домах культуры и других танцевальных площадках такие танцы, как танго, фокстрот, твист, линда и другие, пришедшие с «запада». Всех их относили к космополитизму, что по сути тогдашних понятий было ругательным словом. Ругали и песни эмигрантов, таких, как П. Лещенко, Вертинского, да и других. Устраивались гонения на родоначальника советского джаза Утёсова, сослали В. Козина, который так до конца жизни и не вырвался из Магадана. Правда, ему инкриминировались и другие прегрешения морального свойства.

Иван Иванович оправдывал своё разрешение космополитических танцев тем, что Советский офицер должен уметь себя вести в любых условиях и в любом обществе. Многие после окончания срока обучения направлялись для дальнейшего прохождения службы в Германию, Венгрию, Польшу и в другие страны, идущие вслед за Советским союзом в своём развитии по пути развития социалистического общества.

Несколько танцовщиц из лучших танцевальных коллективов столицы Украины преподавали танцевальную дисциплину, за плату, конечно, начальник находил им должности, а у него была наёмная партнёрша, которая на многих вечерах начинала с ним полонез, в том числе, и на выпускных.

Процедура приглашения девушек с гражданской точки зрения и обывателей, была интересной. Каждый курсант имел право пригласить не более двух девушек, для чего заблаговременно, во вторник, через канцелярию роты подавались списки приглашённых в особый отдел. В списках указывались данные о фамилии, месте проживания, точный адрес и кто приглашает. Списки особым отделом проверялись, проверке подвергались и девушки по месту жительства, после чего в бюро пропусков направлялось разрешение на выписку пропусков. Пропуска выписывались, и за час до начала вечера у проходной выстраивалась очередь из девчат, которые сдавали свои паспорта и взамен их получали пропуски на территорию. После окончания вечерних развлекательных мероприятий проходила процедура обратная – взамен пропусков выдавались паспорта.

После отсидки на гауптвахте надо было догонять по ряду предметов и сдавать по пропущенным темам зачёты. А за то, что заблудились в лесу, подполковник Емцев по топографии поставил неудовлетворительную оценку за зимний период обучения, и пришлось, с воспитательной целью, сдавать топографию четыре раза. Обоим заблудшим. Емцев был любимым преподавателем, и его воспитательные меры не испортили любви к нему. Вадим пятёрку всё равно надкламировал. Отдельные положения учебника вызубрил наизусть.

Заключительным этапом первого курса был пеший марш по Екатерининской дороге из Киева в Чернигов и участие в строительстве нового летнего лагеря «Гончаров Круг». Почему Екатерининский тракт, так его построили и уложили кирпичи на ребро, ёлочкой, в царствование Екатерины Второй. Эта дорога сохранилась в приличном состоянии до пятидесятих годов двадцатого столетия. Ремонтировалась в немногих местах. В оправдание сегодняшним строителям, когда дорога не выдерживает и пяти лет с момента её сдачи, в те времена меньше ездили, тоннаж транспорта был меньше в десятки раз, хотя, Екатерининская дорога выдержала передвижение войск в революционные годы, в Великую отечественную войну. Мы прошли эту дорогу маршем, с оркестром и песнями, за двое суток. Пешком. Пришли в Гончаров круг на третий день. С нами, конечно, были сопровождающие машины – санитарная, грузовики для страховки и для сопровождающего оркестра. Шли всем батальоном, поротно, командиры впереди. Сто двадцать с лишним километров за два дня были хорошим экзаменом на выносливость. Курсанты были воспитаны так, что даже падающие считали для себя позорным показать слабость, и не просились на машину. Был постоянный медицинский контроль. После преодоления моста в Чернигове через реку Десна было разрешено облегчение. Все свои вещевые мешки погрузили на машины. Ещё предстоял путь до места в Михайло-Коцюбинском районе, в лес, где был землеотвод на неплодородных полях. Говорят, что этот лагерь, который

КПИ – Киевский политехнический институт.
 КПП – контрольно-пропускной пункт.
 КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
 МИМО – Московский институт международных отношений.
 МСР – мотострелковая рота.
 НАТО – военно-политический блок - North Atlantic Treaty Organization.
 НВП – начальная военная подготовка.
 НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
 НКО – Народный комиссариат обороны (СССР).
 НФП – Наставление по физической подготовке (ВС СССР).
 ОМП – оружие массового поражения.
 ОРБ – отдельный разведывательный батальон.
 ОРД – отдельный разведывательный дозор.
 ПАЗ – марка автобусов Павловского автомобильного завода.
 п.г.т. – посёлок городского типа.
 ПВО – противовоздушная оборона.
 ПК – пулемёт Калашникова (калибр 7,62 мм).
 ПрикВО – Прикарпатский военный округ.
 ПТУР – противотанковая управляемая ракета.
 ПТУРС – противотанковый управляемый реактивный снаряд.
 пш – полушерстяное обмундирование.
 РВГК – Резерв Верховного Главного Командования.
 РВДКУ – Рязанское воздушно-десантное командное училище.
 РГ – разведывательная группа.
 РГ-42 – ручная граната (наступательная осколочная дистанционная).
 РГД-5 – ручная граната дистанционная (наступательная осколочная).
 РД – рюкзак десантника.
 РДР – разведывательно-десантная рота.
 РКГ-3 – ручная кумулятивная граната.
 РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
 РЛС – радиолокационная станция.
 РПГ – ручной противотанковый гранатомёт.
 РПК – ручной пулемёт Калашникова (калибр 7,62 мм).
 РЭБ – радиоэлектронная борьба.
 СА – Советская Армия.
 САС – Специальная авиадесантная служба ВС Великобритании (Special Air Service).
 СБР-3 – Радиолокационная станция ближней разведки.
 СВД – снайперская винтовка Драгунова (калибр 7,62 мм).
 СВУ – суворовское военное училище.
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
 ТВН – танковый прибор ночного видения.
 ТЗК-66 – телескопический зенитный командирский прибор с увеличением в 66 раз.
 УАЗ – марка автомобилей Ульяновского автомобильного завода.
 УУС – упражнение учебных стрельб.
 х/б – хлопчато-бумажное обмундирование.
 ЦК КПУ – Центральный Комитет Коммунистической партии Украины.

Оглавление

	Стр.
Жолдас Душамбаев, выпускник 1942 года	4
Николай Иванович Ежов, выпускник 1942 года	5
Андрей Борисович Шидловский, выпускник 1944 года	5
Вадим Зиновьевич Огородников, выпускник 1955 года	6
Валерий Иванович Степанец, выпускник 1970 года	24
Сорокин Алексей Леонидович, выпускник 1970 года	86
Валерий Иванович Подкорытов, выпускник 1970 года	101
Евгений Леонидович Попов, выпускник 1971 года	115
Олег Алексеевич Спинёв, выпускник 1973 года	121
Олег Арленович Войнов, выпускник 1974 года	132
Юрий Васильевич Морозов, выпускник 1974 года	172
Владимир Викторович Долomanов, выпускник 1975 года	233
Алексей Николаевич Садовский, выпускник 1977 года	236
Валерий Иванович Гринчак, выпускник 1978 года	240
Валентин Николаевич Гоголов, выпускник 1978 года	244
Владимир Васильевич Волошенюк, выпускник 1980 года	249
Юрий Викторович Селютин, выпускник 1983 года	272
Александр Николаевич Пирогов, выпускник 1983 года	303
Сергей Петрович Сергиенко, выпускник 1983 года	321
Игорь Николаевич Бизюк, выпускник 1984 года	345
Вячеслав Николаевич Куприенко, выпускник 1985 года	349
Сергей Николаевич Михайленко, выпускник 1985 года	352
Олег Валентинович Харченко, выпускник 1985 года	353
Александр Иванович Пивень, выпускник 1986 года	439
Рафаэль Мансурович Люкманов, выпускник 1989 года	440
Виталий Григорьевич Семенюк, выпускник 1991 года	487
Список использованных сокращений	487